

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Эрих Куби

РУССКИЕ В БЕРЛИНЕ

**СРАЖЕНИЕ ЗА СТОЛИЦУ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА
И ОККУПАЦИЯ**

1945

За линией фронта. Военная история

Эрих Куби

**Русские в Берлине. Сражения
за столицу Третьего
рейха и оккупация. 1945**

«Центрполиграф»

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

Куби Э.

Русские в Берлине. Сражения за столицу Третьего рейха и оккупация. 1945 / Э. Куби — «Центрполиграф», — (За линией фронта. Военная история)

ISBN 978-5-9524-5331-9

Эрих Куби – известный немецкий публицист, участник Второй мировой войны – анализирует военную и политическую обстановку, сложившуюся на международной арене весной 1945 г., в преддверии Битвы за Берлин. Описывает процесс падения столицы Третьего рейха и последствия этих событий для Германии и всей Европы. Во время Второй мировой войны Куби служил в вермахте, воевал во Франции и на Восточном фронте. Он описывал обычную жизнь немецкого солдата в письмах, которые посылал с фронта, и в почти ежедневных дневниковых записях. Используя свой боевой опыт и колоссальный документальный материал, включая архивы и мемуарную литературу, автор представил знаковые фигуры полководцев и политических деятелей – участников событий – боевых офицеров и рядовых солдат противоборствующих сторон. В своем исследовании Куби стремился дать объективную оценку «тех последних, безумных дней» весны 1945 г.

УДК 94(4)"1939/1945"

ББК 63.3(4)62

ISBN 978-5-9524-5331-9

© Куби Э.

© Центрполиграф

Содержание

Глава 1. Планы, планы...	6
Глава 2. До Берлина восемьдесят километров	12
Глава 3. Выжидательная позиция	19
Глава 4. Соотношение сил	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эрих Куби
Русские в Берлине. Сражения за столицу
Третьего рейха и оккупация. 1945

Erich Kuby

Die Russen in Berlin. 1945

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2018

* * *

Глава 1. Планы, планы...

В формировании послевоенной Германии участвовали многие силы, однако ее обустройство было по большей части определено на Потсдамской конференции в августе 1945 года. Оказалось, что прогнозы президента Рузвельта на этот счет были слишком оптимистичны. Более того, если бы кто-либо из «Большой тройки» (СССР, США, Великобритания) смог оценить послевоенную Европу, он был бы вынужден признать: «Это совсем не то, что я имел в виду».

Для любого серьезного исследователя должно быть очевидно, что маршал Сталин лучше других предвидел грядущие события и сделал это на удивление рано. И если советские идеи внедрялись с такой последовательностью, то это потому, что русские составили свое мнение за несколько лет до того, как Великобритания и Соединенные Штаты начали всерьез задумываться о будущем Центральной Европы. И даже тогда мысли западных союзников не шли дальше безрезультатных попыток внести поправки во всеобъемлющий проект Сталина.

В середине декабря 1941 года Антони Иден, британский министр иностранных дел, отправился в Москву, чтобы обсудить со Сталиным ведение военных действий. В то время немцы находились так близко от Москвы, что могли чуть ли не наблюдать за этими двумя деятелями в полевые бинокли. Немецкие субмарины открыли счет потопленных кораблей союзников, в Африке Роммель сметал все на своем пути; на Тихом океане всего через две недели после нападения на Пёрл-Харбор японцы уже угрожали Сингапуру и Гуаму.

Неудивительно, что Иден был настроен игнорировать все, кроме неотложных военных проблем. Но даже на этом раннем этапе Сталина больше интересовало обсуждение послевоенных западных границ Советского Союза. Он снова и снова предъявлял претензии на новую границу с Польшей, установленную 1 сентября 1939 года, и уделил относительно небольшое внимание присоединению северной части Восточной Пруссии к своим территориям.

Вполне понятно, что Уинстон Черчилль был раздражен докладом Идена о своем визите в Москву. По его мнению, тогда было не время для обсуждения подобных вещей. И он выразился на этот счет в своей, подобающей государственному деятелю, манере: «Теперь мы просто обязаны выиграть войну, пусть и ценой долгой и тяжелой борьбы. Если публично поднимать такие вопросы сейчас, то это только сплотит немцев вокруг Гитлера» (Жан Эдвард Смит, «Оборона Берлина»).

Если, пока шла война, Сталин не считал необходимым обсуждать свои планы на послевоенное устройство со своими союзниками, то это потому, что они не предпринимали ничего, что могло хоть как-то повлиять на эти планы. И если западные державы также ничего не высказали, то лишь потому, что им нечего было предложить. Цель союзников в войне была обозначена Рузвельтом на конференции в Касабланке (14–24 января 1943 г.) как «безоговорочная капитуляция». Что дало мощный аргумент немецкой пропагандистской машине, но вряд ли заменило стратегическое планирование. Весной 1943 года Иден узнал, что Соединенные Штаты намерены принять участие в оккупации Германии, однако, похоже, сами американцы не имели ни малейшего представления, где следовало дислоцировать свои войска. События должны были решить это за них. Но, пока они не обязались делать это, вопрос об оккупационных зонах попросту не поднимался.

Однако на грядущей первой встрече «Большой тройки» в Тегеране волей-неволей должен был подняться вопрос о будущем Германии. Для подготовки этой встречи 17 октября 1943 года в Москве встретились британский, американский и советский министры иностранных дел. Государственный секретарь США, Корделл Халл, предложил меморандум под звучным названием «Основные принципы, касающиеся капитуляции Германии». К сожалению, дальше общих положений в нем дело не зашло; не прозвучало ни слова о послевоенных гра-

ницах Германии. В попытке достичь какого-то прогресса Иден предложил создать в Лондоне постоянную комиссию по послевоенному устройству Европы. В результате была сформирована European Advisory Commission (E.A.C) – Европейская консультативная комиссия, ЕКК. Однако, несмотря на трудности ведения переговоров с ЕКК, основные требования Сталина остались неизменными, и в конечном счете «Большая тройка» пришла к согласию по поводу раздела Германии на оккупационные зоны.

13 ноября 1943 года линкор «Айова» вышел из Хэмптон-Роудс, Виргиния, чтобы доставить президента Рузвельта в Касабланку, откуда тот направился в Тегеран. Президент взял с собой только военных советников – генералов, адмиралов и начальников штабов; никого из американцев, месяцем раньше принимавших участие в подготовительной московской конференции, на борту не оказалось. Военачальники максимально использовали представившуюся возможность; происходили оживленные дискуссии по поводу размещения американских войск после победы в войне. На исходе шестого дня Рузвельт выбрал из груды карт на столе ту, что включала в себя Венецию, Фленсбург (самый северный город Германии), Париж и Варшаву. Он прочертил линию, которая шла от острова Зильт, через датские и немецкие острова Северного моря, по южной границе Дании до реки Рейн возле Дюссельдорфа, спускалась по этой реке до Висбадена и оттуда шла на восток, – разрезая Франкфурт-на-Майне ровно на две половины, – до чешско-германской границы. Здесь линия сворачивала на север, поднималась к Лейпцигу, пересекала Берлин и заканчивалась севернее Штеттина¹. Круг замыкался балтийским побережьем и южными границами Дании. Такой должна была стать американская зона. Затем президент принялся определять британскую зону. Ее северная граница должна была соприкоснуться с южной границей американской зоны по широте Висбадена. Отсюда ей надлежало следовать по Рейну до самого Базеля, затем свернуть на восток, к озеру Констанц (Боденское озеро, находящееся в предгорьях Альп на границе Германии, Швейцарии и Австрии), где президент намеренно следовал по швейцарскому побережью, продолжаться до Зальцбурга – прихватывая по пути изрядный кусок Тироля, – и, наконец, следовать точно по границе Германии с Чехословакией и Австрией, вплоть до американской зоны.

Со всей определенностью можно сказать, что все мысли президента были обращены к морю. Он думал о размещении миллиона своих солдат «на пару лет» в Германии, и, естественно, ему понадобились бы порты Северного моря для их снабжения. Но кто мог сказать, что станет с Францией? Поэтому не имело смысла рисковать, прокладывая линии снабжения через такую непредсказуемую страну. А русские? Они должны были получить половину Берлина, чего американцы вовсе не желали, но иначе им не стоило и рассчитывать на так далеко прочерченную Рузвельтом линию через Лейпциг и Штеттин – таких желанных для них городов, если, конечно, их не захочет прибрать к рукам Польша. В конечном итоге от этих фантазий фактически остался лишь анклав Бремерхафен. В одном, и только в одном пункте американские военачальники остались тверды: они не намеревались ставить свои войска в зависимость от французских портов.

В Тегеране Рузвельту предложили разместиться в восточном крыле советского посольства. Когда он отказался, ему сказали, что город кишит агентами нацистов и его безопасность может быть гарантирована только внутри стен посольства. Президент занял бывший гарем. Черчилль остановился неподалеку, в британском посольстве. Ради него был построен высокий деревянный забор вдоль дорожки между воротами британского и советского парков, что-то вроде загона для скота, который, в качестве дополнительной предосторожности, охранялся советскими солдатами, расставленными через каждые десять метров.

Официальный переводчик Сталина, с которым я беседовал в Москве, считал, что за столом переговоров царил вполне дружественная атмосфера. Наблюдалось значительное совпа-

---

¹ Ныне Щецин в Польше. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

дение в послевоенных планах, – другими словами, Рузвельту пришлось оставить при себе свою карту с «Айовы». Единственное разногласие во мнениях возникло лишь тогда, когда Черчилль предложил открыть второй фронт на Балканском полуострове; его план учитывал примерно те же демаркационные линии, которые Сталин предлагал Идену еще в 1941 году.

Исходя из того факта, что соглашения по разделу Германии и Берлина на зоны в конечном счете были официально приняты в Ялте – хоть это и означало отвод нескольких армий с их последних позиций (американских, ради русских, – восточнее Эльбы, а русских, ради американцев и англичан, – в Берлине), – можно было бы предположить, что в Тегеране споры по поводу Германии основывались полностью на политических соображениях. Но это далеко не так. И Сталину, и Черчиллю было прекрасно известно, что военные успехи могли повлиять и повлияют на окончательные послевоенные соглашения. Вот почему Черчилль так упорно настаивал на открытии второго фронта на Балканском полуострове и почему Сталин не менее упрямо выступал против этого. Разумеется, Черчилль должен был быть уверен, что у маршала не испортится настроение, поэтому он не стал выкладывать все свои карты на стол, так что под конец или третьего, или четвертого заседания Рузвельт удивленно спросил у Сталина: «Вы хоть понимаете, что он имеет в виду?»

Сталин все прекрасно понимал. Он доходчиво объяснил, что если второй фронт будет открыт не во Франции, то он не может гарантировать лояльность Красной армии. Это происходило почти год спустя после Сталинграда, когда за ним стояла армия более мощная, чем когда-либо.

Как-то вечером, после обеда, Сталин объявил о своих намерениях уничтожить всех видных нацистов до единого. Черчилль заметил, что войну начали пруссаки. Сталин с ним не согласился: немцы, заявил он, так перемешались, что «сегодня все они одинаковы». Следует ликвидировать где-то от 20 000 до 30 000 человек. Черчилль возразил, что западные державы не могут допустить ничего подобного, после чего Сталин обратил его внимание на зверства, совершенные немецкими войсками в Советском Союзе. Эту проблему тоже отложили до будущих обсуждений. Однако Сталин уже составил свое мнение касательно разделительной черты между нацистами и остальными немцами, как часть своего всеобъемлющего плана относительно Германии.

Тем не менее тегеранские дебаты в основном концентрировались на более неотложных военных вопросах. То, как они подавались Черчиллем и Сталиным (Рузвельт удовлетворился ролью добродушного и дружелюбного посредника-миротворца), ясно показывает, какое значение придавалось военной силе в создании новых сфер влияния после войны. В своей книге «Триумф и трагедия» Черчилль недвусмысленно заявляет, что в Тегеране немецким вопросом пренебрегли лишь потому, что военное решение казалось еще весьма отдаленным, вследствие чего было просто невозможно принять четкое решение по разделу Германии.

Следовало создать разграничения между зонами временной оккупации и постоянной частью рейха. В том, что касается последнего, Сталин выразил мнение, что польские границы должны быть передвинуты на запад, а северная часть Восточной Пруссии отойти к Советскому Союзу. Что касается остального, то у Сталина на этот счет еще не сложилось определенного мнения, и его более поздние «всегерманские» планы так и не воплотились в жизнь.

Планы Черчилля насчет Германии отражали его стойкую антипатию к Пруссии. Пруссию следовало раздробить на мелкие части и исключить из Германского рейха. Должна быть создана Дунайская Федерация, раскинувшаяся от Рейна до Будапешта, достаточно сильная, чтобы противостоять давлению прусского охвостья. Что касается Рузвельта, то для него оказалось несколько затруднительно сформировать для себя более или менее ясную картину географического положения Германии.

Поэтому Сталин, который не воспринимал планы Черчилля слишком серьезно, не настаивал на том, кто конкретно должен быть в Берлине – по крайней мере, в 1943 году. Русские были бы там в любом случае – исходя хотя бы из географического положения.

Также Сталин не видел причин возражать против плана Эттли², когда он впервые рассматривался ЕКК в начале 1944 года. План предусматривал разделение Германии на оккупационные зоны; в общем и целом его в конце концов одобрили, хотя об участии Франции тогда даже не упоминалось. (Создание французской зоны оккупации явилось признанием военного вклада в войну и победу над Германией, сделанного де Голлем. Что явилось еще одним доказательством, что на раздел Германии отчасти повлияли военные успехи во время войны, даже еще до Ялтинской конференции.) 18 февраля 1944 года русские, в лице посла Гусева, приняли план Эттли *in toto* – целиком и полностью. Берлин не был особо обозначен, но находился тогда прямо посреди советской зоны.

Это неожиданное соглашение Британии с Советским Союзом застало американцев врасплох. Как только план Эттли был представлен ЕКК, американцы сформировали Working Security Committee (WSC) – Комитет по безопасности, подчинявшийся Государственному департаменту США. Комитет оказался малозначительным и недоукомплектованным сотрудниками образованием, чьей основной целью на этом последнем этапе было начать работу по претворению в жизнь собственных планов Америки на послевоенное устройство. Преобладающее влияние на него оказывали представители армии, которые яростно возражали, что расположение зон оккупации Германии носит военный характер и, следовательно, вне компетенции политиков. На самом деле комитет стал не чем иным, как убогим памятником американской политике в отношении Германии. Посол США в Лондоне, Джон Уайнант, в чьи обязанности входило представлять США в ЕКК, не получал из Вашингтона никаких инструкций. И только 3 апреля Рузвельт узнал от американского дипломата Джорджа Кеннана, что Советский Союз и Британия достигли соглашения. Кеннан посоветовал президенту принять план Эттли, и в том, что касалось границ советской зоны оккупации, Рузвельт уступил. Таким образом, он неявно признал, что Берлин должен оставаться в центре этой зоны, хотя ничего не сказал о разделении самой столицы. Однако отказался принимать план относительно остальной Германии – возможно, он помнил аргументы своих начальников штабов на борту «Айовы». И продолжал настаивать, что Британии должна отойти Южная Германия.

Советский Союз не слишком заботило, какие предложения будут сделаны в конечном счете их западными союзниками. Поэтому, чтобы не затягивать с переговорами, русские официальные заявления ссылались просто на «западные зоны». В результате первый документ, подписанный в Лондоне 12 сентября 1944 года – Уайнантом со стороны США, Гусевым от СССР и Стрэнгом от Британии, – утверждал разделение на зоны и содержал в себе первое упоминание о разделе Берлина, не оговаривая, однако, как именно западные зоны (Германии) или сектора (Берлина) должны быть обозначены. В отношении Берлина документ попросту заявлял:

«...Панков, Пренцлауэр-Берг, Митте, Вайсензе, Фридрихсхайн, Лихтенберг, Трептов, Кёпеникк будут оккупированы советскими войсками.

...Райниккендорф, Веддинг, Тиргартен, Шарлоттенбург, Шпандау, Вильмерсдорф будут оккупированы_____.

...Целендорф, Штеглиц, Шёнеберг, Кройцберг, Темпельхоф, Нойкёльн будут оккупированы_____».

---

² Эттли Клемент Ричард – британский политик, лидер Лейбористской партии и 62-й премьер-министр Великобритании; в 1945–1981 гг. после отставки Чемберлена в 1940 г. вошел в коалиционный кабинет во главе с У. Черчиллем.

Прочерки здесь, как в оригинале. Имена, ставшие известными в послевоенной политике, упоминаются здесь впервые. После того как британцы и американцы тактично избегали темы Берлина на протяжении нескольких месяцев – с апреля по август 1944 года, – дабы не раздражать Советский Союз, последний без каких-либо возражений согласился на совместную оккупацию, хоть ранее Берлин был признан частью советской зоны оккупации и британцами, и американцами. Это, вне всяких сомнений, доказывает, что в то время не было ничего более далекого от мыслей Сталина, чем разделенная Германия. И все же военные и политические соображения сыграли свою роль в принятии такого решения: Сталин рассматривал Берлин как своего рода электростанцию, на главном рубильнике которой он держал руку.

12 сентября 1944 года Уайнант представил соглашение Рузвельту, который затем совещался с Черчиллем в Квебеке. Движущей силой этого совещания являлся, вне всяких сомнений, британский премьер, который начал беспокоиться о равновесии сил в послевоенной Европе и роли Британии в Тихоокеанском регионе после поражения Японии. В Квебеке, с подачи Рузвельта, в мировую историю вошел секретарь Казначейства США, Генри Моргентау-младший. Черчиллю был предложен план Моргентау³ по реконверсии немецкой промышленности (возвращению индустрии к условиям мирного времени). Поначалу Черчилль отверг план, но немного погодя согласился с ним, чтобы продолжить обсуждение остальной повестки дня.

Как бы в благодарность Черчиллю, Рузвельт, со своей стороны, согласился отдать британцам север той территории, которая позже стала Федеративной Республикой Германии, включая Рур, и разместить американские оккупационные силы в Баварии и Гессене. Еще до подписания соглашения американские начальники штабов, верные принятым на «Айове» решениям, потребовали гарантий поддержки их путей снабжения из Бремена и анклава Бремерхафен через британскую зону. (Им пришлось проявить такую же настойчивость, когда дело дошло до определения северных границ французской зоны; в результате автомагистраль Франкфурт-на-Майне – Штутгарт оказалась – и до сих пор остается – американской охраняемой зоной.)

Ввиду того факта, что американцы оказались столь предусмотрительными в своих отношениях с дружественными союзниками, можно было бы ожидать, что они попытаются получить столь же надежные гарантии свободного доступа в Берлин через советскую зону. Однако ничего подобного не случилось. Ни этот, ни другие вопросы, касавшиеся будущей советской зоны, в Квебеке не обсуждались. И Черчилль, и Рузвельт считали, что лондонские соглашения достаточно удовлетворительно и определенно трактуют данную тему.

С другой стороны, Рузвельт, под влиянием своих начальников штабов, с подозрением относился к деятельности ЕКК, особенно после неожиданного заключения соглашения между Советским Союзом и Британией. Должно быть, Пентагон внушил ему, что, возможно, его подталкивают на уступки, которые в конце войны могли бы оказаться слишком обширными и в любом случае приуменьшили бы военный вклад Америки в победу. Поэтому он без промедления положил конец деятельности ЕКК, когда приказал американской делегации во главе с послом Уайнантом прекратить участие в обсуждении послевоенной политики в рамках этой организации. Это было сделано посредством трех предписаний, датированных 29 сентября, 20 октября и 25 октября 1944 года, каждое из которых было выдержано в более жестком тоне, чем предыдущее. Таким образом, ответственность за Европейский театр военных действий вернулась к армии США. Как выяснилось, последняя оказалась ничуть не лучше политиков.

Во всяком случае, 1 февраля 1945 года на Мальте встретились не американские и британские политики, а военные, чтобы подготовить последнюю конференцию «Большой тройки» военного времени, ту, что состоится месяцем позже в Ялте. К ней Сталин запасся сильным

---

³ План Моргентау предусматривал расчленение Германии, переход важных промышленных районов под международный контроль, ликвидацию тяжелой промышленности, демилитаризацию и превращение Германии в аграрную страну.

kozyрем, который позволил бы ему легко выиграть партию за Германию: он находился в том положении, когда мог отдать приказ советским войскам оккупировать Берлин. Однако Сталин решил не играть этим козырем.

Глава 2. До Берлина восемьдесят километров

Когда началась Ялтинская конференция, армии Сталина – вследствие их наступления между Вислой и Одером – создали такую ситуацию, что казалось, Великому Германскому рейху осталось существовать совсем не долго. Более того, все выглядело так, будто Красная армия способна нанести решающий удар и без какой бы то ни было помощи союзников.

Военные эксперты спорят до сих пор, было ли советское наступление в январе 1945 года великим военным подвигом или просто легкой победой ввиду отсутствия сопротивления. Западногерманские источники утверждают, будто русским было несложно это сделать, поскольку основные массы немецкой армии были сконцентрированы на Западе. Действительно, всю вторую половину 1944 года Гитлер относился к Восточному фронту как к пасынку, бросая все, что было у него в распоряжении, на Запад, считая, что ему удастся остановить американцев и англичан развертыванием крупных сил. Эта ложная надежда привела его к планированию Арденнского наступления.

Немецкое отступление на Западе и, особенно, на Востоке, где им пришлось оставить обширные территории между Днестром и Вислой, ведет к затуманиванию ресурсов, все еще имевшихся в распоряжении немецкого Верховного командования в 1944 году. Между весной и ноябрем того же года было заново сформировано более 50 пехотных дивизий, 10 бронетанковых бригад, 12 артиллерийских корпусов и 10 минометных бригад. В конце лета производство боевой авиации достигло нового пика.

Вдобавок ко всему немецкое командование пришло к заключению, что даже если невозможно удержать Восточный фронт целиком, то отдельные окруженные группировки войск могли вполне успешно обороняться. В результате было сформировано более сотни отдельных пехотных батальонов, состоящих в основном из людей старшего возраста и вооруженных трофейным оружием. Восточному фронту досталось около четверти этих новых войск.

Хотя этих батальонов и близко не доставало для восполнения потерь лета и осени 1944 года, тем не менее это означало приток свежих сил. В конце года сотню немецких дивизий рассредоточили вдоль огромной линии фронта между Ригой и озером Балатон, хотя следует отметить, что почти ни одна из них не была полностью укомплектована личным составом. Как правило, каждой дивизии приходилось удерживать участок фронта (примерно от 25 до 50 км). Отсутствовали наземные коммуникации между группой армий «Север», позднее переименованной в группу армий «Курляндия», и группой армий «Центр» – последняя оказалась отрезанной, когда русские вышли к Балтике севернее Мемеля⁴. Южнее группы армий «Центр» имелись еще три группы армий: «Северная Украина», «А» и «Юг». Этим армиям противостояло 400 советских пехотных дивизий и 100 отдельных бронетанковых частей, у многих из которых также был недокомплект личного состава.

Таким, вкратце, было положение, когда Гитлер решил перехватить военную инициативу посредством наступления на Западе. Несмотря на то что Германия подвергалась постоянным бомбардировкам, только специальных составов, перевозивших солдат, оружие, снаряжение и боеприпасы, в количестве 3000 пересекло Рейн при подготовке Арденнского наступления. Сам Гитлер 10 декабря 1944 года перебрался в Цигенберг, в свою ставку «Адлерхорст» – «Орлиное гнездо», неподалеку от Бад-Наухайма. Зимой 1939 года здесь все обустроили по высшему разряду, но до сих пор не использовали. Постепенно, во время войны – и окончательно после Сталинграда, – немцы потеряли из виду своего фюрера. Они никогда не знали, где он находился; Гитлер постоянно переносил свою штаб-квартиру то в Рейхсканцелярию, то в «Бергхоф» в Баварских Альпах, то в свой особый поезд, то в «Фельзеннест» близ Бад-Мюнстерайфеля, то в

---

⁴ Сейчас город Клайпеда.

«Вольфшлюхт» в Бельгии, то в «Танненберг» в Шварцвальде, то в «Вольфшанце» в Восточной Пруссии, то в «Вервольф» на Западной Украине и, наконец, в «Орлиное гнездо».

11 и 12 декабря Гитлер в два этапа собрал своих командиров дивизий и армий и, прибегнув к помощи длившихся по несколько часов речей, постарался убедить их, что еще не все потеряно, что победы все еще возможно добиться путем массированного наступления.

В то же самое время в Седльце, за Вислой, в значительно менее комфортабельных условиях маршал Жуков обсуждал с командующими своими армиями план совершенно другого наступления. Целью советских войск был Берлин.

Начальник штаба Жукова, генерал Малинин, вкратце изложил суть предстоящей операции, точнее, ее первой стадии, а именно – охват немецких частей вокруг Варшавы и Радома и взятие польской столицы. В течение 10–12 дней войска маршала достигнут рубежа Кутно – Лодзь. Войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов (группы армий) предстоит сыграть основную роль в этой операции; они были самыми боеспособными и имели в своем распоряжении наибольшее количество танков. Общая идея состояла в том, что, слолив сопротивление противника, эти две группы армий продвинулись вглубь оккупированной Германией территории и будут действовать наподобие захвата клещей. Считалось, что еще 10–12 дней потребуется для осуществления этой второй части кампании. Это означало продвижение по 10–15 км в день. Эти расчеты не соответствовали действительности – очевидно, уроки военной истории не были хорошо усвоены.

В начале своей русской кампании Наполеон взял очень быстрый темп наступления; его войска с боями продвинулись до Москвы за восемь недель. Во время отступления он покрыл то же расстояние всего за пять недель. Дивизиям Гитлера потребовалось две летних кампании, чтобы преодолеть расстояние от Днестра до Волги, а когда их разгромили, они проделали обратный путь за половину этого времени.

«Мы, командиры Красной армии, видели и чувствовали, что сила немецких войск ослабевает с самого начала 1943 года. В то же самое время наш собственный боевой дух и решительность продолжали крепнуть, и не с каждым днем, а с каждым часом. Именно поэтому мы не могли понять, почему Верховное главнокомандование установило столь медленный темп продвижения в начале 1945 года. По нашему мнению, стоило бы удвоить этот темп; мы были убеждены, что наши войска покрывали бы по 25–30 километров в день» (*В. И. Чуйков*. Конец Третьего рейха – Das Ende des Dritten Reiches. Еженедельник Народной армии ГДР. 1964–1968).

Получилось так, что даже эта оптимистическая оценка оказалась заниженной – советское наступление на Висле и Одере было столь же стремительным броском, как сход снежной лавины. Наступление началось по согласованию с западными союзниками, и это вопреки тому факту, что военный дневник немецкого Верховного командования утверждает, что «после начала Арденнского наступления союзники вынудили Советский Союз поддержать их собственное наступление на Западе наступлением на Востоке. Однако русские мешкали с началом широкомасштабного наступления» (*Перси Е. Шрамм*. Военный дневник Верховного главнокомандования вермахта – Oberkommandos der Wehrmacht – O.K.W. T. IV. Гл. 2).

Такому утверждению нет доказательств; все это показывает лишь то, что идеология холодной войны проникла даже в немецкую военную историю. Именно Сталину принадлежала идея начать – примерно 20 января – наступление с плацдарма города у Баранув-Сандомерски на Висле. Однако, по необъяснимым причинам, американцы и англичане посчитали, что это слишком поздно, хотя еще месяцем раньше немцев в Арденнах отбросили назад, и союзники закрепились на своих позициях западнее Рейна. Очевидно, союзников ошеломила неожиданная, хоть и бессмысленная, демонстрация силы Германией, когда, по их расчетам, Гитлер был практически разбит. Несомненно, в этом была причина того, что теперь они переоценивали

ударную мощь Германии – факт, который не мог не иметь столь катастрофических последствий на последнем этапе войны.

Эйзенхауэр (Дуайт Дэвид Эйзенхауэр (1890–1969) – генерал армии (1944), в 1953–1961 гг. 34-й президент США; в 1944–1945 гг. командующий экспедиционным корпусом США в Европе; кавалер советского ордена «Победа». – *Пер.*) и Монтгомери (Бернард Лоу Монтгомери (1887–1976), 1-й виконт Монтгомери Аламейнский – британский фельдмаршал (1944); в 1943–1945 гг. командующий 21-й группой армий союзников; с мая 1945 г. – главнокомандующий британскими оккупационными войсками в Германии. – *Пер.*) приготовились к дальнейшим ударам немцев, и действительно, Гитлер грезил наступлением на Маас, Саар и Эльзас. 28 декабря он произнес еще одну из своих речей, длившуюся несколько часов и призванную поднять дух командиров дивизий. В ней он заявил: «Как бы ни истощили меня заботы, как бы сильно они ни подорвали мое здоровье, это не изменит моей решимости сражаться до конца, пока чаша весов не склонится в мою сторону» (*Гельмут Гайбер. Речи и воззвания Гитлера – Hitler's Laga Besprechungen. Штутгарт, 1962. С. 750*).

6 января Черчилль отправил Сталину послание следующего содержания: «Буду Вам признателен, если Вы сообщите мне, можем ли мы рассчитывать на русское генеральное наступление на фронте от Вислы или где-то в другом месте в течение января... Я считаю это чрезвычайно неотложным делом».

Чуйков также цитирует это послание в своих мемуарах, которые стоят в одном ряду с другими наиболее объективными описаниями войны, вышедшими до сих пор. Между слишком официальной «Историей Великой Отечественной войны» и многими личными воспоминаниями, в которых больше эмоций, чем фактов, лежит глубокая пропасть, пропасть, в которой воспоминания Чуйкова стоят особняком. Перед нами человек, который, с одной стороны, способен дать нам отличную общую картину, а с другой стороны, имеет смелость честно и объективно выразить свое личное мнение.

В 1945 году генерал Чуйков воевал на 1-м Белорусском фронте под командованием Жукова. Он подтверждает, что, в результате послания Черчилля, приготовления к наступлению на Висле были ускорены. «Все дивизии 8-й гвардейской армии⁵ немедленно приготовились к наступлению, работая день и ночь, практически без перерыва».

Русские начали наступление 12 января силами пяти групп армий. Сергей М., который тогда был совсем молодым командиром танка, во время нашей беседы в Москве рассказал мне: «В некоторые дни наши танки проходили по 70 км, и все равно у нас оставалось время на хороший ночной отдых. На самом деле мы двигались так быстро, что наши тыловые службы не успевали вовремя подвезти горючее. Часто нам приходилось оставлять позади несколько танков, выкачивая из них горючее, чтобы наполнить баки остальных машин».

Через 16 часов после начала советского наступления немецкая 4-я танковая армия прекратила свое существование как организованная боевая единица. За три недели оставшаяся часть Польши, значительная часть Германии восточнее Одера и, в частности, вся Восточная Пруссия⁶ оказались занятыми Красной армией. Тогдашний начальник немецкого Генерального штаба сухопутных войск Гудериан вынужден был признать: «20 января неприятель ступил на немецкую землю. Теперь нам остается только поставить на кон наши последние фишки».

Где бы советские армии ни вторглись на территорию Германии, политотделы повсюду прибавляли гвоздями самодельные вывески со словами «Вы в проклятой Германии!», написанными большими буквами отработанным машинным маслом.

---

⁵ До 16 апреля 1943 г. именовалась 62-й армией, той самой, которая сражалась в Сталинграде под командованием того же Чуйкова.

⁶ Бои за Восточную Пруссию продолжались и в марте, и в апреле (до 25 апреля). Кёнигсберг был взят в ходе штурма 6–9 апреля.

Передовые части Жукова неуклонно продвигались к Одеру, пробиваясь сквозь бушевавшие с 26 по 29 января снежные бураны. И только 30-го над укутанным снегом пейзажем засверкало яркое голубое небо. Амбициозный Чуйков настаивал на увеличении скорости продвижения. 1 февраля передовые части вышли к самой реке. Она замерзла. В некоторых местах отступающие немцы пытались взломать лед, который теперь представлял собой естественный природный мост, при помощи бомб, динамита и мотосаней; одной из множества неосуществленных идей стала попытка взломать лед при помощи искусственного подъема воды.

2 февраля передовые части Чуйкова форсировали Одер. Не только река не послужила естественной преградой, но и сами немцы посчитали целесообразным отойти от нее практически без боя⁷ близ Франкфурта-на-Одере и Кюстрина, от которого до Берлина ближе всего.

В 10:00 утра советский генерал инспектировал долину Одера: «Войска готовились форсировать реку между Кюстрином и Гёрицем (Гужицей). Я наблюдал за Одером в стереотрубу. Широкая река, обрамленная дамбами. Наши гвардейцы скапливались на восточном берегу. Какой великий и ответственный момент! Лед настолько тонок, что даже пехотинцы не могли спокойно ступать по нему, но это их не пугало. Они притащили жерди, доски, палки и соорудили легкие настилы и мосты. В некоторых местах удалось даже переправить противотанковые орудия. Солдаты установили их на полозья от саней и толкали перед собой».

«Но их удача, – продолжает Чуйков, – длилась недолго». Вскоре в небе появились немецкие самолеты. Вел их один из знаменитейших немецких асов – сам Рудель.

В личном дневнике Руделя есть запись от 2 февраля: «Советские танки под Кунерсдорфом, советские танки под Треттингом, советские танки под Франкфуртом, советские танки под Кюстрином, советские танки под Гёриц-Райтвайном. Мы могли бы и выстоять, будь у нас в двадцать раз больше людей и самолетов». Но их не было. И поэтому в конечном счете значительные силы Красной армии переправились через Одер, закрепились на позициях и захватили плацдарм на 20 км в глубину⁸. Теперь советские войска находились в 48 милях (77 км) от Берлина (неверно – от Кюстринского плацдарма было менее 60 км по прямой. – *Ред.*), столицы гитлеровского рейха. 3 февраля немецкое Верховное командование объявило: «Наши войска понесли тяжелые потери в результате непрерывных атак противника на участке фронта под Реппеном».

Реппен (польский Жепин) был хорошо знаком берлинцам. Неподалеку от него, в битве при Кунерсдорфе, Фридрих II Великий потерпел в 1759 году сокрушительное поражение от русских войск. В этой мирной и очаровательной сельской местности имелось множество лесов и озер, и знающие об этом берлинцы часто бродили здесь с томиками романтических стихов в рюкзаках. Новости о сражении в этом прекрасном месте распространились подобно лесному пожару. Одер, последняя естественная преграда на протяжении 2000 км, больше не защищал город (от наступления советских войск). В любой момент город мог ожидать последнего удара. Фон Студниц из немецкого министерства иностранных дел коротко записал в своем дневнике: «Все, кто могут, покидают город».

На самом деле все выглядело так, будто Берлин находится на грани паники. 28 февраля Volkssturm – фольксштурм, немецкое ополчение, – был поднят по тревоге. Железнодорожные станции, мосты и общественные здания взяли под контроль, ходили слухи, будто русские парашютисты уже высадились на окраинах города. Полицейские сразу же надели стальные шлемы и повесили на плечи карабины.

Теперь нацисты классифицировали свой партийный и административный персонал по категориям, в соответствии с надвигающейся опасностью. Те, кого не могли откомандировать

---

⁷ С самого начала борьба за плацдарм под Кюстрином была исключительно ожесточенной. А Кюстрин, который оказался блокированным, был взят советскими войсками только 30 марта.

⁸ После форсирования 31 января – 2 февраля Одера и захвата первых небольших плацдармов в феврале – марте в ходе ожесточенных боев был создан один плацдарм шириной по фронту 44 км и глубиной 7–10 км, названный Кюстринским.

в армию до самого последнего момента, получали красную карточку; тем, кому пришлось идти на защиту Fatherland – Фатерланда, Отечества, немногим раньше, выдавали белые. Разумеется, никому из них не грозила опасность быть призванными в фольксштурм – это было оставлено для народных масс.

Поползли сеющие панику слухи о надвигающейся оккупации города, когда стали известны планы эвакуации из Берлина правительства и администрации. Это затронуло бы не менее 100 000 чиновников, возможно и больше, и все они лихорадочно готовились прихватить с собой все, что только возможно.

За одну ночь подскочили цены на черном рынке машин и горючего. Их можно было купить только за золото и бриллианты, а еще за кофе и спирт, которые переходили из рук в руки центнерами и ящиками. И хотя Берлин был сильно потрепан войной, его бедность оказалась обманчивой – ближе к концу становилось очевидным, как много предметов роскоши было накоплено здесь. Недаром вся Европа подвергалась систематическому разграблению в течение всей войны.

Те, у кого имелись машины и горючее, подвергались опасности быть повешенными на ближайшем дереве как «пораженцы», и поспешно покидали Берлин. По-прежнему ходили поезда, хотя такое можно сказать скорее только о южном направлении. Люди использовали любые ухищрения, чтобы обзавестись проездными документами или военными переводами.

На поверку оказалось, что правительство не эвакуировало, а русские, которые находились всего в двух часах езды, так и не появились. И никто не мог сказать почему. Все снова стабилизировалось – хотя слово «стабилизировалось» вряд ли применимо к данным условиям.

Каждую ночь, а часто и днем на город дождем сыпались бомбы. Газ и воду отключали на несколько часов, а позднее и на несколько дней подряд. В Берлине можно было увидеть новое животное, так называемый «водяной крокодил» – и в дождь, и в снег, по льду и в слякоть, женщины стояли в очередях за водой перед колодцами и колонками со своими ведрами и кастрюлями. Продовольственные rationy выдавались все более нерегулярно, и в большинстве случаев люди получали вместо одного эрзаца другой: квашеную капусту вместо ячменя, муку грубого помола вместо хлебопекарной и т. д. Если был газ, то он подавался под таким низким давлением, что на приготовление пищи требовалось не менее пяти часов, и люди могли спокойно собираться в своих подвалах, пока наверху медленно закипала их стирка. Ответственные группы превратились в подвальные, и в каждой из них возникали свои собственные своеобразные ритуалы.

Весной 1945 года одна берлинская женщина заполнила три ученические тетради своими заметками, большую часть которых она сделала в бомбоубежище. Она описала свои наиболее личные переживания. Немецкий писатель, К. В. Марек, позднее познакомился с этой женщиной, прочел ее историю и убедил опубликовать ее. Он дал слово чести, что не раскроет имя женщины, и держит его по сей день.

«Женщина в Берлине» – самое потрясающее и самое не-сентиментальное повествование о том, через что прошли женщины Берлина, те женщины, которые доказали, что они обладают большим мужеством и самоотверженностью, чем их сильная половина. Большая часть западногерманской прессы плохо приняла книгу, а публику она оставила равнодушной. Несомненно, та правда, которая излагается в ней, сегодня просто ошеломляет; и все-таки мы будем приводить цитаты из нее, прямо сейчас и далее, по мере необходимости.

Вот как автор описывает жизнь в подвалах:

«Подвальное племя этого дома убеждено, будто их пещера самая безопасная. Нет ничего более странного, чем странный подвал. В этом я уже больше трех месяцев и все равно чувствую здесь себя чужой. В каждом подвале есть собственные табу и причуды. В моем прежнем подвале помешались на воде для тушения пожаров; повсюду можно было наткнуться на

ведра, кувшины, горшки и бочонки с мутной жидкостью. Что не помешало дому полыхать как факел. Пользы от всех этих запасов было не больше, чем от плевков. Фрау Вайерс рассказала мне, что в ее подвале они исполняли «легочный» ритуал. Как только начинали падать первые бомбы, все наклонялись вперед и дышали с великой осторожностью, одновременно прижимая руки к животам. Кто-то сказал им, что это предохраняет легкие от разрыва. Еще у них была «тренировка» у стены. Все садятся, прислонившись спиной к стене; единственное место, где периметр разорван, находится под вентиляционным отверстием. При первом взрыве начинается «полотенечный» ритуал: каждый заматывает свои рот и нос специально приготовленным для этой цели полотенцем и завязывает его у себя на затылке» (*Анонимный автор. Женщина в Берлине – Seeker & Warburg. London, 1955*).

Люди теперь жили более скученно, чем когда-либо раньше. Они по-прежнему платили за товары из бакалейных лавок; в беседах они пользовались теми же самыми словами, что и прежде; они по-прежнему уважали личные потребности и интимные отношения; они ворчали, но, как и раньше, держали язык за зубами, если знали, что их мог услышать какой-нибудь твердолюбый нацист; когда им требовалось облегчиться, они шли в нужное помещение и плотно закрывали за собой дверь.

Всему этому суждено было измениться. По сравнению с прошлым все стало отклоняться от норм, однако берлинцы еще не пришли к осознанию того, как могут выработавшиеся за столетия привычки и обычаи вдруг деградировать в чистой воды варварство. Все еще было впереди.

К. Ф. Бори в книге «Весна 1945 года» описал жизнь в банке, который несколько раз подвергался бомбежкам:

«Люди бежали в подвал, чтобы поднять наверх свои документы, пишущие машинки и арифмометры только лишь для того, чтобы снова поспешно отнести их вниз, как только зазвучит сигнал воздушной тревоги... Многие из нас по-прежнему оставались очень добросовестными работниками. Я видел руководителя отдела, который взял за привычку работать в бомбоубежище, заканчивая дела с уже несуществующим государством Эстония. Восточный отдел писал в Персию (Иран) своим клиентам, которые давным-давно исчезли где-то далеко за линией фронта».

Наиболее достойно повел себя Йозеф Геббельс. Он проявил больше мужества, чем остальные нацистские боссы, – видимо, потому, что осознавал: в любом случае все уже потеряно. Верно, что все остальные находились в той же лодке, но, в отличие от Геббельса, они не признавались в этом даже самим себе. За зиму он привел в порядок свои бумаги, и последняя его запись гласит: «Самоубийство».

Геббельс не видел причин сидеть, словно приклеенный, в бункере фюрера и ездил на фронт с повязкой дивизии «Великая Германия»⁹ на рукаве. (Он был единственным гражданским, удостоенным ее. Изначально, когда ему вручали ее, она была пришита к бархатной подушечке, что как бы подчеркивало символическое значение этой нарукавной повязки; однако Геббельс велел отпороть ее и повязал на руку.)

Теперь Геббельс развязал пропагандистскую кампанию по поводу злодеяний советских войск, которая привела к эффекту, противоположному тому, которого он добивался: вместо ненависти усилился страх.

---

⁹ «Великая Германия» – элитное формирование вермахта. За период своего существования было развернуто в танковый корпус; наряду с некоторыми другими соединениями вермахта (включая и войска СС) «Великая Германия» была одним из наиболее боеспособных формирований Третьего рейха; в некоторых источниках и мемуарах ошибочно приписывается к войскам СС; начиная с лета 1941 года формирование действовало на самых трудных участках Восточного фронта.

За зиму 1944 года миллионы немцев бежали от неприятеля, наступавшего с невероятной скоростью. Газета *Das Reich* («Рейх») описывала их переселение весьма красочно:

«Доводилось ли вам видеть столь породистых лошадей? Вот они, идут бок о бок. На одной пожилой седобородый господин со слегка утомленными глазами, однако он прямо и уверенно держится в седле. На нем меховой полушубок и норковая шапка, ноги обуты в хорошо пошитые сапоги для верховой езды; рядом с ним седоволосая, но выглядящая немного моложе женщина в дамском седле; и, наконец, мальчик, возможно их внук, беспрестанно и жизнерадостно болтающий...»

Мог ли мальчик быть таким жизнерадостным, если видел вокруг всего Берлина объявления о том, что беженцам запрещено оставаться в городе? Бежавшие из Восточной Пруссии женщины рассказывали по радио и на пресс-конференциях бесчисленные ужасающие истории о насилиях и грабежах.

Когда Франкфурт-на-Одере так внезапно стал частью фронтовой полосы и берлинцы осознали, что скоро к ним нагрянут русские, они были сильно потрясены. Однако быстро пришли к себе. Пока Геббельс извергал ненависть, а самолеты союзников продолжали сбрасывать бомбы, берлинцы говорили сами себе: «Лучше русские в подбрюшье, чем американцы над головой».

Так примерно обстояли дела, когда в любой момент ожидали появления русских танков. Но, как мы уже видели, они не появились. Красная армия застыла на месте. Между 7 и 16 апреля расстояние между самым восточным берлинцем и самым западным советским солдатом сократилось не более чем на милю; более того, по мнению берлинцев, оно даже увеличилось. День за днем русские держались в стороне, исходящая от них угроза становилась все менее реальной. Поспешно сооруженные уличные заграждения и противотанковые рвы остались незавершенными; гражданские, отправленные на фортификационные работы, вернулись домой.

Тем февралем берлинцы еще не понимали, скольких страданий удалось бы им избежать, пойдя русские прямо на Берлин вместо того, чтобы остановиться на Одере.

Во-первых, из 1 350 000 тонн бомб, сброшенных союзниками на Германию за всю войну, треть была сброшена с февраля по май 1945 года. Более трети из 329 000 мирных жителей, ставших жертвами бомбежек, погибло между февралем и концом войны. Между 1 февраля и 21 апреля Берлин подвергся 83 жесточайшим воздушным налетам; единственной спокойной оказалась ночь перед Пасхой.

Во-вторых, не было бы ни разрушенного ночью 13 февраля Дрездена, ни жесточайших налетов на Вюртемберг и Потсдам остался бы целым и невредимым.

И наконец, оборонительные рубежи, какими бы слабыми они ни были, которые в апреле преградили путь Красной армии, в феврале были еще не закончены. Чтобы разрушить их до основания, даже не понадобилось бы орудий, а пожары, уничтожившие в самом конце значительные части города, не начались бы.

Глава 3. Выжидательная позиция

Могли ли русские занять Берлин в феврале 1945 года? И если да, то почему они не сделали этого?

Как только Берлин оказался в прямой досягаемости группы армий 1-го Белорусского фронта, Жуков приготовился к следующему броску. И маршал, и его командиры были абсолютно убеждены в необходимости немедленного наступления на Берлин. Чуйков писал:

«Взятие Берлина в феврале 1945 года должно было бы означать окончание войны. А самое главное, мы понесли бы значительно меньше потерь, чем позднее в апреле... За восемнадцать дней наше наступление [Висло-Одерская операция] продвинуло нас на 500 км. Мы проделали очень длинный путь за очень короткое время. Если бы только Верховное командование и Генеральный штаб организовали наше снабжение так, чтобы достаточное количество снаряжения, горючего и продовольствия оказалось у нас на Одере, если бы наши самолеты перебазировались на ближайшие летные полосы, а инженерные войска были отправлены наводить мосты через реки, четыре наши армии – 5-я Ударная, 8-я гвардейская и 1-я и 2-я танковые – могли бы продолжить движение и завершить эту исполинскую операцию, покрыв последние 60–70 км до Берлина.

Ситуация складывалась чрезвычайно благоприятная. Большинство гитлеровских дивизий оказались связанными нашим наступлением в Курляндии¹⁰, Восточной Пруссии и под Будапештом и не имели возможности прийти на помощь Берлину, а дивизии, которые Гитлер перебросил с Западного фронта, были не готовы вступить в бой. Я уверен, что 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты вполне могли выделить нам еще по две-три армии каждый, чтобы взять штурмом политический и военный центр фашизма, что означало бы окончание войны. Разумеется, мы подверглись бы риску, но какая военная операция обходится без него? В данных обстоятельствах успех зависел в основном от быстрого снабжения боеприпасами и горючим в необходимых количествах...

Разумеется, это было не единственной проблемой, хотя, с моей точки зрения, когда изначально планировалась Висло-Одерская операция, совершенно невозможно было предвидеть действительное развитие событий... Однако генералы и Генеральный штаб должны уметь давать военную и политическую оценку каждому текущему моменту и, по необходимости, в соответствии с этим корректировать свои планы...

Я прекрасно понимаю, что в такой стремительной операции, которую мы осуществили между Вислой и Одером, было невероятно трудно заранее планировать следующий этап – наступление на Берлин. Это означало бы мобилизацию огромных сил, переброску их к Одеру и снабжение всем необходимым. И тем не менее я считаю, что это не было невозможным. В феврале 1-й Белорусский фронт перебросил две танковые и три другие армии для участия в кампании в Восточной Померании и обеспечил их снабжение. Таким образом, уверен, что наша нерешительность в виду Берлина стала излишней предосторожностью, порожденной опасением, что гитлеровская группа армий «Висла» могла нанести удар с севера, из Померании. Я считаю, что было бы более разумно отрядить пять армий 1-го Белорусского фронта на взятие Берлина, чем оставлять их связанными на севере. Также не представляло проблем добавить еще три-четыре армии из состава 1-го Украинского фронта. На основании этих размышлений я осмеливаюсь заявить:

---

¹⁰ Курляндия – историческая область Латвии, входившая в состав владений Ливонского ордена, Речи Посполитой, Российской империи; с 1562 по 1795 г. составная часть герцогства Курляндия и Семигалия; в настоящее время одна из трех основных историко-культурных областей Латвии.

а) мы обладали достаточными ресурсами для продолжения Висло-Одерской операции – вплоть до взятия Берлина;

б) наше беспокойство по поводу правого фланга 1-го Белорусского фронта оказалось необоснованным ввиду того, что противник был слишком слаб, чтобы вызывать у нас беспокойство¹¹ (что, кстати, признает в своих мемуарах и Гудериан);

в) план противника по нанесению контрудара в районе Штеттина не мог быть осуществлен ранее 15 февраля, да и то только недостаточными силами;

г) если бы мы вышли к Берлину в первой половине февраля силами семи или восьми армий, мы могли бы сорвать прорыв неприятеля от Штеттина и продолжили бы движение на запад».

Маршал Жуков, который в воспоминаниях Чуйкова производит впечатление виноватого, в этом вопросе был солидарен и с ним, и с командующими армиями: Берлин следовало взять как можно быстрее. В соответствии с этим Жуков попытался получить поддержку из Москвы, но Сталин отказался связывать себя обязательствами. Возможно, у него сдали нервы, а быть может, он тоже разделял преувеличенную американскую оценку военной мощи Германии. (В 1965 году Жуков публично заявил о своем несогласии с приведенным здесь изложением событий Чуйковым. Нет необходимости говорить, что на его возражения отчасти наложило свой отпечаток нелестное мнение Чуйкова о нем. Тем не менее Чуйков остается достойным доверия очевидцем, даже если Жуков и прав в своих утверждениях, будто тот неправильно привел некоторые даты и подробности.)

С одной стороны, Жуков был достаточно близок к фронту: его УКВ-рация, которая действовала, даже когда его войска рвались вперед (и сигнал которой ни при каких обстоятельствах не мог быть перехвачен), позволяла ему поддерживать постоянную связь со своими командирами. С другой стороны, он не находился непосредственно в зоне боевых действий своих войск, чтобы разделять их убежденность в том, что противник слишком слаб и может оказать лишь фанатичное сопротивление в отдельных местах, повинувшись безумной стратегии Гитлера держаться до последнего.

Нерешительность советского командования ясно отразилась в двух противоречивых приказах. Первый, от 2 февраля, приказывал армиям Жукова перейти к обороне. Вторым, подписанным двумя днями позже Жуковым, гласил: «В течение ближайших дней войскам укрепить свои позиции, доставить достаточное для двухдневного броска количество горючего и боеприпасов и, после стремительной атаки, взять Берлин 15–16 февраля».

Чуйков возражал, что за указанный в приказе период времени невозможно подвезти необходимое снаряжение; по его мнению, для этого требовалось на несколько дней больше. Но, даже при таком раскладе, Берлин пал бы 17 или 18 февраля – когда западные державы находились еще на другом берегу Рейна. (Части генерала Брэдли форсировали Рейн только 7 марта.)

Воскресным утром 4 февраля Жуков оставил свой командный пост и отправился в штаб 69-й армии, где встретился с командующими своими армиями, Берзариним (который позднее стал первым комендантом Берлина), Чуйковым, Катукковым, Богдановым и Колпакчи. Получившие приказ о наступлении на Берлин военачальники склонились над картами и обсуждали предстоящую операцию в общем и целом.

На столе между Чуйковым и Жуковым стояло с полдюжину телефонных аппаратов. Один из них зазвонил. На проводе был Сталин. Он звонил из Ялты, где готовился к встрече с Рузвельтом и Черчиллем на конференции, которая должна была поставить последнюю точку в разделе Германии и, более того, всего мира.

---

¹¹ В Восточной Померании немцы сосредоточили 2-ю и 11-ю армии, имевшие 16 пехотных, 4 танковые, 2 моторизованные дивизии, 5 бригад, 8 отдельных групп и 5 гарнизонов крепостей. Борьба с ними велась до 4 апреля, когда капитулировала группировка у Гдыни, а восточнее Данцига немцы капитулировали только после 9 мая.

Не говоря, где находится, Сталин спросил Жукова: «Какое у вас положение? Чем вы занимаетесь?»

Жуков: «Планируем наступление на Берлин».

Сталин: «Не тратьте понапрасну время. окопайтесь на Одере и пошлите какие можете войска в Померанию, на помощь Рокоссовскому (Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968) – советский и польский военачальник, дважды Герой Советского Союза; единственный в истории СССР маршал двух стран: Советского Союза и Польши. – *Пер.*), для разгрома немецкой группы армий «Висла».

Вот так.

Жуков лишился дара речи. Он положил трубку, встал и, не говоря ни слова, покинул помещение. Генералам оставалось только догадываться, что произошло. Тем же самым днем Сталин перебрасывался шутками с Рузвельтом по поводу того, будут ли русские в Берлине раньше, чем американцы доберутся до Манилы, столицы Филиппин (американцы были там 23 февраля¹²). Сталин утверждал, что обстоятельства на стороне американцев, поскольку его войска столкнулись с серьезным сопротивлением на Одере. И хотя Рузвельт привык к преувеличению Сталиным своих проблем и усилий – которые были направлены на то, чтобы получить от союзников дополнительное снаряжение или чтобы побудить их облегчить задачу Красной армии при помощи новых наступлений союзников на Западе, – вряд ли он мог догадаться, что именно в этой части информации не было ни капли правды.

И хотя можно с уверенностью сказать, что превосходство Красной армии на Одере в середине апреля значительно увеличилось по сравнению с февралем, это вовсе не означает, что немецкие войска имели хоть малейший шанс удержать свои позиции даже на том этапе. Они были совершенно дезорганизованы, а потрясение от отступления к Одере, которое больше походило на паническое бегство, так повлияло на высшие эшелоны власти, что о решительной обороне Берлина, которая имела место двумя месяцами позже, не могло идти и речи – и это несмотря на тот факт, что русским так и не представилась возможность для длительной передышки.

Также советские военные сводки со всей очевидностью показывают, что Красная армия сражалась более эффективно во время январского наступления, чем она делала это при последнем сорокакилометровом (около 65 км) броске на Берлин. Позднее мы увидим, как медленно и осторожно она двигалась к Берлину – и по совершенно оправданным причинам, чтобы понести как можно меньше потерь ради дела, которое и без того было уже выиграно. Таким образом, если мы взвесим шансы на успех в феврале по сравнению с апрельским наступлением на Берлин, нам придется встать на сторону Жукова и его генералов. Было бы вполне возможно взять Берлин еще в феврале. И в том, что его не взяли, была вина одного лишь Сталина, и только его. С политической точки зрения это была ошибка того же порядка, что и решение Гитлера остановить в 1940 году свои танковые дивизии неподалеку от Канала (Ла-Манша), что дало британскому Экспедиционному корпусу возможность эвакуироваться в Англию; или решение Эйзенхауэра не идти на Берлин в марте 1945 года, которое дало Сталину шанс исправить свою февральскую ошибку. Однако так было только до поры до времени, поскольку к концу апреля победа в гонке за Берлин, когда союзники оккупировали Германию до самой Эльбы, уже не являлась таким сильным козырем, каким была бы в феврале, когда они только-только пересекли западную границу Германии.

Разумеется, бессмысленно описывать историю, основываясь на предположении «Что было бы, если...». Факты таковы, каковы они есть. И все же, когда эти факты относятся к разделению Германии – со всеми вытекающими последствиями для Европы и всего мира – и

---

¹² Американцы овладели Манилой только 3 марта. В уличных боях с 17-тысячным японским гарнизоном, происходивших со второй половины февраля, погибло 100 000 мирных жителей.

когда они являются следствием единственного телефонного разговора между Крымом и Одером, который состоялся 4 февраля, трудно удержаться от некоторых спекуляций. В отношении Ялтинской конференции нам постоянно твердят, будто смертельно больной Рузвельт, из рук вон плохо осведомленный о европейских делах, позволил Сталину одурачить себя и пошел на недальновидные уступки. Но было бы правильнее сказать, что на самом деле сам Сталин упустил шанс завладеть всей Германией, наложив вето на немедленное взятие Берлина.

Как мы уже видели, разделение Германии на зоны оккупации было решено заранее, в результате принятия плана Эттли – как временная мера, основанная на чисто военных соображениях. Тем не менее этот условный военный план привел к политическому разделу страны. Еще до Ялтинской конференции русские стояли на берегах Эльбы, а Берлин находился так далеко от границ западной зоны, что о присутствии войск союзников в столице практически не упоминалось до самого конца войны. Что касается гарантированного доступа в Берлин, которого жаждали западные державы, то русским в Ялте оставалось только заявить, что их не интересуют проблемы, не входящие в повестку дня. Из всего этого можно сделать вывод, что западные союзники, игнорируя военные реалии, позволили ввести себя в заблуждение. Хотя в то время тема доступа в Берлин являлась чисто военным вопросом. Что подтверждали напряженные отношения американцев с британцами по поводу портов Северного моря и с Францией относительно контроля над автотрассой Франкфурт-на-Майне – Мюнхен. В тот момент, когда войска Сталина находились почти в 40 милях (около 65 км) от Берлина, а американские армии все еще на противоположном берегу Рейна, свободный доступ в Берлин не считался таким уж важным вопросом. Более того, упорно придерживаясь сверх меры преувеличенной оценки военной мощи Германии, американский Комитет начальников штабов был убежден, что окончательной победы над Германией можно добиться только при помощи русских.

Продолжая подобные спекуляции, мы заодно могли бы заинтересоваться, что произошло бы, если бы Сталин, до того как пригласить в Ялту Рузвельта, сказал Жукову: «Чем вы там занимаетесь? Готовитесь к наступлению на Берлин? И когда начнете? В течение пяти дней? Превосходно...»

Если бы советские войска достигли Берлина в самом начале февраля, Гитлеру со товарищи пришлось бы скрыться на юге, чего они не сделали в апреле, и, что более важно, перед Красной армией была бы открыта вся Германия. И можно было бы не беспокоиться об «Альпийской крепости» Гитлера, а двинуться прямо на индустриальный центр Германии. Захватив в руки все самые ценные призы, стал бы Сталин придерживаться договоренностей плана Эттли? Довольствовался бы он меньшим, чем то, что мог получить?

Задолго до Ялтинской, даже до Тегеранской конференции Черчилль провел немало бессонных ночей в мыслях о том, что Красная армия может двинуться западнее Вислы. Что касается пересечения ею Эльбы, то он не остался бы в стороне. Насколько радикальные контрмеры принял бы Черчилль, зависело от поддержки американцами того, что он мог предпринять. Нам известно, как далеко Черчилль был готов зайти, поскольку он публично признал, что перед концом войны лично приказал Монтгомери сохранить немецкое вооружение на тот случай, если им придется использовать его для сдерживания русских¹³. По очевидным причинам этот приказ не может быть обнаружен в британских архивах, однако, вскоре после разоблачительного признания Черчилля, Монтгомери подтвердил, что не только получал подобный приказ, но и действовал в соответствии с ним.

Остается открытым вопрос, смог ли Черчилль принудить американцев присоединиться к нему даже в том случае, если бы русские двинулись на Рур, или нет. Не следует забывать о тогдашней ошеломляюще высокой репутации Красной армии среди американцев. И обще-

---

¹³ Вооружив этим оружием пленных немецких солдат и офицеров.

ственное мнение в Соединенных Штатах вряд ли допустило бы, чтобы Дядюшку Джо (то есть Иосифа Сталина) вознаградили бы бомбами только за то, что он слишком хорошо сражался.

Таким образом, не имелось ни малейшей возможности, чтобы вся Германия оказалась под властью Советов, даже если бы Сталин приказал взять Берлин еще в феврале. Но тогда могло произойти и совершенно противоположное: в течение той весны 1945 года американцы могли оправдать ожидания многих немцев, заключив с ними соглашение против русских в попытке вырвать из хватки Сталина не только Германию, но и всю Центральную Европу. (Не стоит забывать, что американцы стояли на пороге создания первой атомной бомбы.)

В любом случае решение Сталина избавило западных союзников от принятия весьма непростого решения.

«Невозможно было бы слишком долго скрывать, – писал Чуйков, – что бросок на Берлин откладывался на шесть-восемь недель, что давало противнику возможность укрепить свою оборону». И укрепление обороны стало именно тем, чем занималось немецкое Верховное командование – в пределах своих тающих на глазах сил и возможностей.

Глава 4. Соотношение сил

Как и большинство немцев, нацистские лидеры отчаянно цеплялись за надежду, что в последний момент какое-нибудь чудо принесет им победу. Сам факт, что Германия могла продолжать войну до начала мая, явился следствием ряда факторов: убежденность кое-кого из высшего командования, что им нечего терять; беспочвенные фантазии насчет эффективности «летающих бомб», или V-1; мечты Геббельса о своевременной «кончине царицы»¹⁴ и требование союзниками безоговорочной капитуляции. Также свою роль сыграла вера в то, что Запад присоединится к нацистской Германии в ее борьбе против Советского Союза, вера, которая, можно сказать, некоторым образом предвосхитила создание НАТО.

Ни правительство, ни жители Берлина не осознавали, что получили три месяца передышки благодаря лишь личному вмешательству Сталина. Берлинцы даже не знали, в столице ли их фюрер – его инспекционные поездки, как главнокомандующего, теперь ограничивались Рейхсканцелярией¹⁵.

30 января 1945 года, в двенадцатую годовщину прихода к власти нацистской партии, немецкая нация снова услышала голос человека, которого многие годы глубоко уважали, которым восхищались и любили. Его слушали словно зачарованные, и при этом, несомненно, на мгновение забыли о несчастьях, обрушившихся на их головы из-за его политики.

До 1965 года жители Берлина даже не догадывались, что было им уготовано «Основополагающим приказом об обороне столицы германского рейха», датируемым 9 марта 1945 года. Приказ был подписан командующим «Берлинским оборонительным районом», генерал-лейтенантом Гельмутом Рейманом, по согласованию со ставкой Гитлера. На этот пост Рейман заступил тремя днями раньше. После публикации приказа в *Der Spiegel* от 5 мая 1965 года адвокаты экс-генерала Реймана проинформировали редакцию, что он как не подписывал тот приказ, так и не знал о нем в то время. Автор статьи в *Der Spiegel* основывал свое утверждение на 2-м номере за 1965 год журнала *Zeitschrift für Militargeschichte* – «Военная история», выпущенного немецким Военным издательством в Потсдаме.

Приказ на тридцати трех страницах делится на следующие подразделы:

Общие положения.

Тактика.

Дислокация войск.

Прочее.

Приложения.

Приказ напоминает директиву Гитлера от 19 марта 1945 года «о выжженной земле». И то и другое обнаруживают душевное состояние Гитлера в то время, когда он уже знал, что конец близок, и все, что ему оставалось, – это разрушение.

Однако, тогда как директива от 19 марта, предусматривавшая уничтожение той части рейха, которая все еще находилась в руках немцев, была несколько затуманена так называемыми исполнительными директивами немецкого Верховного командования, приказ на уничтожение Берлина от 9 марта так и остался неизменным.

Он содержал двадцать четыре пункта и начинался словами: «Каждый командир, на каком бы посту он ни был, должен глубоко проникнуться духом этих принципов, которые, ради сохранения согласованности действий, будут также определять все наши приготовления». Второй

---

¹⁴ 25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г.), во время Семилетней войны между Пруссией в союзе с Англией и коалицией – Австрией, Россией, Францией и др., императрица Елизавета скончалась. Ее преемник, Петр III, заключил мир с Фридрихом II Великим, своим кумиром. (*Примеч. авт.*)

¹⁵ Фюрер последний раз выезжал в войска 13 марта.

пункт был очень коротким: «Оборонять столицу рейха до последнего бойца и до последнего патрона». Третий относился к способу ведения боевых действий:

«Имеющиеся в распоряжении силы, предназначенные для непосредственной обороны столицы, не вступают в открытое сражение с противником, а главным образом участвуют в *уличных боях и обороне домов*. Борьба должна вестись

с фанатичной решимостью,

с изобретательностью,

с использованием всех способов введения в заблуждение, хитрости и коварства,

с применением всех подготовленных и продиктованных требованиями момента вспомогательных средств всех видов

на земле,

над землей и

под землей.

Во время сражения любое преимущество, обусловленное знанием собственной территории и нервозностью русских при столкновении с целым морем чуждых им домов, должно быть полностью использовано.

Точное знание местности, использования подземных железнодорожных путей, подземной канализационной сети и существующих коммуникаций, великолепные возможности для укрытия и маскировки, обеспеченные зданиями и многоэтажными домами, в особенности из железобетона, – все это делает защитников *неуязвимыми для любого противника*, даже в том случае, если они уступают ему в численности и вооружении!

Противник, которому не будет дано ни минуты спокойствия, должен быть обескровлен и уничтожен в густой сети очагов сопротивления, опорных пунктов и укрепленных зданий. Каждый потерянный дом и каждый потерянный опорный пункт необходимо *немедленно вернуть*. Ударные отряды будут проникать через тоннели метро за линии противника, дабы застать его врасплох ударом с тыла.

Предпосылка успешной обороны Берлина заключается в том, что

каждое здание,

каждый дом,

каждый этаж,

каждая живая изгородь и

каждая воронка от снаряда должны защищаться до последнего!

Не столь важно, чтобы те, кто защищает столицу рейха, хорошо разбирались в устройстве своего оружия и владели им; а *важно то, чтобы*

каждый боец

проникся и вдохновился

фанатичной решимостью

и волей сражаться,

осознавая, что весь мир, затаив дыхание, следит за нами и что сражение за Берлин может решить исход войны». (Выделение курсивом приведено, как в оригинале.)

Защитники будут подняты по тревоге кодовым словом «Клаузевиц»¹⁶; сигналом для начала непосредственно боевых действий должно было стать кодовое слово «Кольберг»¹⁷. Большой Берлин и его окрестности были поделены на «внешние зоны отчуждения», «внешние зоны обороны», «внутренние зоны обороны» и сектор «Z» (от Zitadelle – цитадель), куда входил и правительственный квартал.

---

¹⁶ Клаузевиц Карл Филипп Готтлиб фон (1780–1831) – прусский военачальник, военный теоретик и историк.

¹⁷ Город в Восточной Померании, сейчас Колобжег в Польше; с марта по 2 июля 1807 г. находился в осаде наполеоновской армии, однако, благодаря коменданту, майору Гнейзенау, смелым партизанским действиям легендарного офицера Фердинанда фон Шилля и патриотизму жителей, город продержался до заключения мира.

«Основные массы наших сил» должны быть дислоцированы во внешней зоне обороны, которая более или менее совпадала с границами города. Здесь должен был находиться «зеленый боевой рубеж», позади которого войска должны были создать «непреодолимую стену путем создания надежных глубоко эшелонированных позиций». Дислоцированные на этом основном «поле боя» «тяжелые вооружения и артиллерия» будут задействованы для того, чтобы ровнять с землей целые городские кварталы.

Периметр внутренней зоны обороны следовал по приподнятой над землей (на эстакаде) железнодорожной линии «S». Приказ не вдавался в подробности, а просто констатировал: «Рубежи по надземной железной дороге необходимо удержать!»

Весь оборонительный район походил на гигантский торт с диаметром, варьирующимся от 40 до 60 км, а его отдельные сектора имели форму кусков этого торта. Их было восемь, обозначенных буквами от А до Н. Девятый мы уже упоминали: сектор «Z».

24-й раздел приказа перечислял расположение различных командных пунктов. Командный пункт А находился в здании министерства налогов и сборов на Норманнен-штрассе, Лихтенберг, номер телефона 71–15-93; командный пункт Е располагался в отеле «Нестлер» на Аргентинской аллее, телефон 84–21-86. Имелось и несколько передовых командных пунктов. Один, в секторе Е, находился в пивоварне «Киндл» на Луккенвальдерштрассе, Потсдам. Что касается самого Потсдама, который не входил во внешнюю зону обороны, приказ гласил: «Потсдамский анклав должен быть удержан!»

Центральный командный пункт всей обороны столицы в целом должен был размещаться в штабе вермахта, на Гогенцоллердамм. Через шесть часов после того, как должна была быть объявлена тревога, то есть прозвучать кодовое слово «Клаузевиц», главное командование должно перебраться в бункер под «Башней Зоопарка» в форме буквы «L», самое надежное наземное фортификационное сооружение во всем Берлине.

Приказ также вменял в обязанность индустриальной полиции «хватать и безжалостно ликвидировать» всех «провокаторов и мятежных иностранцев».

Приказ ставил особым условием следующее: «Panzerfauste» (фаустпатроны, противотанковые ручные гранатометы) предназначены для использования в основном добровольцами. Приказ предусматривал три типа военно-полевых судов, третий из них – для гражданских лиц. «Легучие военно-полевые суды» могли выносить смертные или оправдательные приговоры. Приказ также охватывал использование собак-курьеров, почтовых голубей и женские вспомогательные зенитные расчеты, известные как «Девы»; он запрещал использование междугородного телефона более чем на три минуты, да и то только по неотложным делам и при чрезвычайных обстоятельствах. В пункте С, подраздел 5, исполнение приказа предписывалось «всем частям и подразделениям, мобилизованным или призванным на военную службу командующими секторами».

На востоке и северо-востоке Берлина зона обороны сливалась с линией фронта на Одере, который проходил вдоль левых берегов Одера и Нейсе, однако в нескольких местах его разрывали советские плацдармы. На фронтовой линии на Одере система обороны подразделялась на три линии, первая из которых была укреплена траншеями и подземными бетонными блиндажами, находящимися за заграждениями из колючей проволоки и минными полями. Такие укрепления простирались на глубину от 3 до 10 км. В 20 км позади, среди лесистой и холмистой сельской местности, извивалась вторая линия обороны: здесь не было сплошных линий траншей и практически никаких бетонных блиндажей. И еще в 10–20 км позади находилась третья линия обороны, укомплектованная ополченцами, слишком старыми даже для фольксштурма, которая состояла из опорных пунктов, дорожных заграждений и противотанковых рвов, размещенных редко и случайно. В условиях зимних морозов и весенней распутицы мало что можно было сделать для оборудования этих укреплений, особенно из-за катастрофической нехватки строительного оборудования.

По непонятной причине десятью днями раньше Гитлер перебросил половину своих бронетанковых сил с Одера на юг. Игнорируя все доклады разведки, он ожидал основного прорыва в направлении Праги, а не Берлина. Таким образом, фельдмаршалу Шёрнеру (Фердинанд Шёрнер, 1892–1973 – последний генерал-фельдмаршал (1945) армии Третьего рейха и единственный, кто дослужился в германской армии до этого высшего воинского звания, начав службу рядовым солдатом. – *Пер.*) передали танки, которые были куда нужнее в районе Берлина.

В «Истории Великой Отечественной войны» в шести томах утверждается, что в апреле 1945 года у Гитлера на фронте по Одере все еще оставалось миллион солдат, 10 400 полевых орудий и минометов, 1500 танков и самоходных артиллерийских установок и 3300 боевых самолетов – неправдоподобный набор этих цифр основывался на предположении, что все немецкие части были полностью укомплектованы, когда на самом деле они давно уже перестали такими быть.

Если изучить цифры более критично, то мы приходим к следующему заключению: 1-му Украинскому фронту противостояла 4-я танковая армия группы «Центр», основные силы которой были отозваны от Одера. 1-му и 2-му Белорусским фронтам противостояли: группа армий «Висла», включая 9-ю армию и 3-ю танковую армию, которых вместе набралось на танковую дивизию, 4 панцергренадерские (моторизованные) дивизии, 14 пехотных дивизий, 4 другие пехотные дивизии (или аналогичные соединения), 3 дивизии в процессе формирования или реорганизации и 3 резервные и учебные дивизии. Группа армий «Висла» не обладала какими-либо резервами, достойными упоминания.

4-я танковая армия на юге состояла из 57-го танкового корпуса, танкового корпуса «Великая Германия», 5-го корпуса и 9 дивизий артиллерийского корпуса генерала Мозера. (В апреле 1945 г. Вилли Мозер командовал корпусной группой «Мозер» – *Korpsgruppe Moser*, в составе 4-й танковой армии в Силезии. – *Пер.*) Дополнительно здесь имелись два соединения СС и несколько специальных формирований, которые числились дивизиями только на бумаге.

Следовательно, для обороны Берлина и простирающейся на север, до самого Штеттина, территории имелось только 35 дивизий. Даже при полной комплектации эти дивизии насчитывали бы не более полумиллиона человек, и, хотя нет достоверных данных об их действительном численном составе, нам известно, что на фронте на Одере находилось самое большее 250 000 немецких солдат (без гарнизона Берлина). Количество истребителей и бомбардировщиков, 3300, также преувеличено. Исправными из них было не более 20 %.

Боевой дух немецких войск сильно упал после отступления длиной в 2000 км, их физическое состояние было прискорбным, а снаряжение находилось в плачевном состоянии. Русские силы превосходили их в соотношении 10:1. 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты должны были наступать на левом фланге, то есть с юга, обойти Берлин, выйти к Эльбе между Виттенбергом и Торгау, а затем оккупировать Саксонию. На их правом фланге, перед 2-м Белорусским фронтом ставилась задача захвата Мекленбурга и выдвижение к точке рядом с нынешней западной границей Восточной Германии. На эти совместные операции советское Верховное командование могло бросить 2 500 000 человек, 41 600 орудий и минометов, 6250 танков и самоходных артиллерийских установок, а также 7500 боевых самолетов.

Огромное сосредоточение артиллерии, самое большое за обе мировых войны, было характерной чертой советской стратегии. В первый день наступления было выпущено 1 236 000 снарядов, всего по 30 снарядов на орудие. На каждую милю фронта приходилось по 975 советских орудий. С такой концентрацией русские могли поддерживать свою наступающую пехоту и танки беспрецедентной стеной огня. До этого ни одна армия не предпринимала ничего подобного.

Что касается физического и морального состояния, то Красная армия находилась в великолепной форме. Несколько напыщенное советское название для Второй мировой войны – Великая Отечественная война – может показаться западному обывателю пустым звуком,

однако для русских оно звучит вполне искренне. Им не нужны были комиссары, чтобы убедительно доказывать такую точку зрения, – для русских это стало очевидно, как только они начали отвоевывать свою страну и увидели, что сотворили с ней «фашистские звери».

Одним из самых неудачных ходов немецкой антисемитской пропагандистской машины стало приписывание всех антигерманских настроений проискал Моргентау и Эренбурга, как если бы инсинуаций еврейского экономиста было бы достаточно, чтобы выставить гитлеровскую Германию в отвратительном свете перед Соединенными Штатами, или еврейскому писателю необходимо было учить русских ненавидеть разрушителей их страны и убийц их женщин и детей. То, что русские обнаружили на освобожденных территориях, являлось не отдельными эксцессами, а результатом целенаправленной политики немецкого Верховного командования. Достаточно процитировать только два документа, чтобы проиллюстрировать это, – всего два из множества других:

«ДОКЛАД

советника Дорша рейхслейтеру Розенбергу

Берлин, 10 июля 1941 года

В концентрационном лагере Минска содержится около 100 000 военнопленных и 40 000 гражданских заключенных на пространстве приблизительно равном площади Вильгельма. Заключенные ютятся на такой ограниченной территории, что едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные потребности там, где стоят. Этот лагерь охраняется командой кадровых солдат, по количеству составляющей роту. Такая недостаточная охрана лагеря возможна только при условии применения самой жестокой силы. Военнопленным, проблема питания которых с трудом разрешима, живущим по 6–7 дней без пищи, известно только одно стремление, вызванное зверским голодом, – достать что-либо съедобное»¹⁸

---

¹⁸ Приводится по: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. I. М., 1954. С. 478–479.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.